певческих, но в этих границах они всегда должны быть в запасе сведений палеографа.

Постараемся на конкретных примерах показать то значение, которое имеет рассмотрение певческих рукописей с точки зрения особенностей, присущих певческим нотациям и текстам, держась при этом в рамках указаний на внешние их особенности и углубляясь в специфику внутреннего, чисто-музыкального их содержания лишь в виде исключения.

Перед нами рукопись Ленинградской Государственной Публичной библиотеки, собрания Погодина, № 45. Текст ее писан крупным полууставом. Язык и, в частности, записи на обороте последнего листа указывают на ее псковское происхождение (упоминание р. Великой, окончания на „ц" вместо „ч" и др.). В этой же записи прямая дата — 1422-й год. Писана рукопись (Стихирарь) на пергамене. Кажется, нет места для сомнений: рукопись псковского происхождения, относящаяся к XV в.

Певческие рукописи, относящиеся к XV в., обычно все уже писаны на бумаге, и применение, в качестве материала для письма, пергамена следует считать исключением. С точки зрения содержания, стихиры, составляющие рукопись, не останавливают на себе внимания. Однако если подойти к рассматриваемой рукописи не с общепалеографическим, а, так сказать, с „певческим" мерилом, то рукопись уже не представится вполне обычной.

Раздельноречие или хомония, к которой мы еще вернемся, в XV в. в русских певческих рукописях была уже значительно развита, хотя и не приняла еще таких гипертрофированных и уродливых форм, как это наблюдается в рукописях, относящихся к XVI и первой половине XVII вв. Тем не менее, в рукописи № 45 поражает отсутствие раздельноречных словообразований. Откуда же взялось, в таком случае, в XV — „хомовом" — веке подобное исключение?

Не забегая вперед и не предрешая ответа на поставленный вопрос, рассмотрим нашу рукопись с точки зрения ее нотации. Является ли эта нотация чем-либо типичным для XV века? Нет. На характерную „размашистость" семейографии, намечающуюся в XV в., нет еще ни намека, хотя в первой четверти XV в., ко времени написания рукописи, она уже давала себя чувствовать. Знамена писаны еще „уставным" почерком, да и сама знаменная строка содержит в себе начертания, к XV в. уже выходящие из употребления.

Какие же заключения можно сделать из указанных особенностей текста и знамен? Заключение напрашивается следующее. Оригиналом для рукописи № 45 собрания Погодина служила некая рукопись, отдаленная от нашей, по времени написания, на одно или полтора столетия. Возможно также, что переписчиком ее был глубокий старик, внесший в рукопись свои привычки и приемы прежних далеких лет. Коль скоро это так, следует быть осторожным, основывая на рукописи № 45 те